

КРОВАВЫЙ СНЕГ ПАМЯТИ

Зимние сумерки сгустились за окном. Юрий Васильевич Бондарев кутался в легкий плащик на «рыбьем меху», хотя в комнате и не было холодно. Величаво поглядывали резные шкафы дорогой мебели, расставленной по стенам еще во времена Сергея Михалкова, но весь стиль кабинета председателя Союза писателей России Юрия Бондарева как бы отражал характер его обитателя: и дерзость таланта, и вспышки неожиданно яркого и порой резкого слова, и детскую непосредственность, и мудрость философской «зауми», и неожиданную, ничем, казалось бы, не обусловленную задушевность и теплоту общения.

Временами мне представлялось, как здесь быстрый и решительный Бондарев вдруг произнес: к бою! И писательский батальон встал на баррикаду — так писатели России отстояли этот свой дом! А нынче мы сидели в сумерках, не зажигая огня, и я вглядывалась в лицо утомленного, хмурого — какое уж тут настроение после расстрела России! — немолодого писателя и пыталась вжиться в диалектику его мысли. Бондареву нездоровилось, к разговору он был явно не расположен и согласился на встречу лишь «из

уважения к газете», — как заметил он скороговоркой, приглашая войти.

...С начала года в редакцию посыпались письма. «Как человек, еще со школьной скамьи самозабвенно влюбленный в героев Юрия Бондарева», — писала Марина Юрьевна Кузьмичевская, — я задумала в дни векового для писателя юбилея обратиться к вам. Первым прочитанным мною его романом был «Берег». Несмотря на тогдашний мой юный возраст, «Берег» оказался очень близким и созвучным моему внутреннему мироощущению. Андрей Княжко — пленительный герой этой книги — навечно вошел в мою душу и сознание не только как яркий литературный образ, но прежде всего как высокий нравственный идеал, без которого сегодня мне лично было бы очень трудно жить».

Да, мы вели нашу беседу в канун семидесятилетия писателя, и волей-неволей разговор укладывался в русло осмысления пройденного пути, последних лет нашей жизни, трагедии нынешних дней России и места писателя в них.

В памяти вставали герои его первых повестей «Батальоны просят огня» и «Последние залпы», обаялся

кровью «Горячий снег» и проплывали светлые линии героев «Юности командиров», «Тишины», «Берега». «Мы стали солдатами в восемнадцать лет. В войну мое поколение научилось любить и верить, и ненавидеть, принимать и отрицать, смеяться и плакать. Мы научились ценить то, что в силу привычки теряет цену в мирные дни: случайно увиденную на улице улыбку женщины, легкой и парной майский дождик, дрожащий отблеск фонарей в лужах, плач ребенка и его смех, впервые сказанное слово «жена» и первое самостоятельное решение, похожее на мужество...»

Теперь редко вспоминают — нелегко это нынешним хозяевам жизни, — что военные повести Юрия Бондарева взорвали сознание общества, показав, что во время войны, на фронте, наравне и даже вопреки жестокости битвы с фашизмом утверждались нравственные основы советского общества с его культом гуманизма. Многих, в ком жило в свое время точное нравственное и профессиональное чутье, перестройка разметала по разным баррикадам, но их понимание повестей Юрия Бондарева стало вековым в истории русской литературы: «Кажется, жизнь отстранила

автора и заговорила сама тем языком, который не только «литература», — писал Олег Михайлов, — но больше, чем «литература». Иными словами, искусство и документ, образ и память, фантазия и пережитое соединились здесь нерасторжимо, чтобы дать в итоге нечто новое, до конца не укладывающееся в понятие «художественное произведение»... Лакоичнее, определеннее, еще точнее выразился в свое время Василь Быков: «Все мы вышли из бондаревских «Батальонов». Казалось, авторитет русского писателя, столь стремительно и по праву вознесшийся на Олимп советской литературы, поколебать невозможно, если он поистине стал выразителем народной памяти. Но тут вдруг те же писатели-фронтовики — Астафьев, тот же Быков, Бакланов заговорили по-новому...».

— Юрий Васильевич! Иногда люди, прошедшие ваш путь в войне, оскорбленные этой метаморфозой, говорят от отчаяния: «Лучше бы всего этого не видеть!» Но вы, как предельно честный художник — я понимаю, боль-то какая! — и все же, как вы воспринимаете себя в соотнесении с этим страшным словом российской истории?

(Окончание на 4-й стр.)